

Сергей Санеев

Жизнь, как есть.

Сергей Санеев
Жизнь, как есть

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Санеев С.

Жизнь, как есть / С. Санеев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Здравствуй, уважаемый читатель. Я представляю тебе простые зарисовки о жизни. Она многогранна и не предсказуема. Иногда из школьного троешника вырастает успешный бизнесмен, а яркий общественный деятель быстро превращается в пьяницу и «умирает» для всех и для себя (нередко в прямом смысле слова). Но, если ты думаешь, что с рождения твоя жизнь кем-то прописана или предрешена, то ты ошибаешься. Мы сами ее куем. И благо тем, кому хватает сил преодолеть все барьеры и прийти к финишу не первым. Книга об этом. В ней я фрагментарно, в форме рассказа и повести показываю разноцветие Жизни. Безусловно, она еще шире и многогранней. А ты прочитаешь здесь только мою часть.

© Санеев С., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

О себе.

Я, наверное, мало отличаюсь от многих людей моего поколения. С детства и на всю жизнь две страсти: музыка и спорт. Это подтверждает два моих убеждения: музыка никогда не изменит человеку, она сопровождает его на веселой вечеринке, на свадьбе и похоронах. Укладывая спать своих деток, мы поем им песни.

Спорт дает уверенность в утверждении, что Бог в каждом из нас. После тысяч часов тренировок миг Победы кажется слаще секса на старте взрослой жизни. Наслаждение в тесном и точном взаимодействии головы и мышц.

Еще две силы извне участвовали в моем формировании: физика плюс математика дали поход в профессию военного и русский язык плюс литература, которые преподавала мама в школе, дали возможность подмечать интересное в неинтересном.

Жил я очень активно, совал нос везде, поэтому материал накапливался и накапливался. Желание поделиться с народом интересным было всегда, но я говорил близким: «Стану стареньким – начну писать». Не хотелось покидать активный путь.

Стареньким я еще не стал, моей младшей дочери Ксении идет четвертый год, но с активного пути пришлось свернуть для восстановления физической формы, высвободилось время, и я начал писать с июня 2014 года.

Есть еще двое любимых деток: сын Евгений (35 лет) и дочь Дарья (27 лет). Каждый из них успешен и самодостаточен.

А я иду по жизни идеалистом и бушующим оптимистом.

Верю в честь, добро, правду, справедливость. Надеюсь, что когда-нибудь эти принципы станут основополагающими для большинства людей.

Март 2017 года. Не хочу ничего менять в тексте, просто дополню.

Книга не была издана, я считал ее неполной. Две темы предстояло раскрыть, и это удалось сделать сейчас. Все изменилось ровно на два года. Теперь пользуюсь возможностью представить свои наблюдения вашему (твоему) вниманию. Доброго здоровья всем читателям! Я с вами!

Начало

Турнир городов-героев по волейболу проводился в Волгограде каждый год. Он был приурочен к дате разгрома фашистских войск под Сталинградом. Представительство было очень емким, собиралось более десятка команд. Наш город на правах хозяина соревнований выставлял две команды: «Мотор» моторного завода, играющую в высшей лиге, и сборную школьников ДСШ.

На моей памяти так было в седьмом и восьмом десятилетиях двадцатого века.

Второго февраля 1973 года состоялось открытие традиционного турнира в северном павильоне Центрального стадиона. Я входил в состав команды ДСШ. Нас, десятиклассников, там было пять человек. На фоне многих других команд, где громко звучали спортивные звания международных мастеров спорта, заслуженных мастеров спорта СССР, представление нашей команды на параде открытия турнира прозвучало очень скромно: первый разряд, первый разряд, первый разряд...

На площадке все выглядело иначе. С первых же игр обозначились два лидера: «Мотор» Волгоград и мы, школьники Волгограда. Причем, преимущество было очень весомым, две

наши команды выигрывали у гостей с крупными счетами и очень быстро. Все команды были поделены на две подгруппы. Мы и «Мотор» параллельно поднимались вверх по турнирной таблице. В полуфинале нас ждала команда Севастополя.

Несмотря на титулованный состав гостей, мы завершили игру победой 3:0 за сорок минут.

Построение команд после игры, «Физкульт УРА!» с обеих сторон и – по раздевалкам.

Следом за нами в раздевалку влетели игроки Севастополя. Из них просто брызгала энергия. Они не успели растратить ее в игре, слишком быстро все кончилось. Их связующий, невысокого роста мужчина до тридцати лет, начал выбрасывать слова, как из пулемета. Орала все. Разобрать, что они говорят, было очень сложно. Сначала прояснилось, что весь этот шум позитивный и является восторженной реакцией на нашу техничную игру. Потом стал вырисовываться смысл происходящего. Тот невысокий связующий игрок оказался тренером волейбольной команды военно-морского училища. Сам недавний выпускник института им. Лесгафта он захотел нас видеть в своей команде.

Как я понял, никто из нас не мечтал о карьере военного моряка. Более того, все мы уже имели приглашение от нашего института физкультуры. Но этот севастополец так бойко вербовал, что мы всерьез задумались о его предложении. Конечно, главным козырем для нас было обещание спортивного роста. Бестолковые мы еще были. Пацаны, и только. Для нас важнее волейбола ничего не было.

Финальную игру турнира у нас выиграл «Мотор» в упорной борьбе со счетом 3:2.

Дома я рассказал родителям о разговоре в раздевалке. Рассказал просто так, а они ухватились за эту идею, как за единственную. До апреля они меня обрабатывали, чтобы я согласился ехать поступать в Севастополь. И я поддался их убеждениям, начал проходить медицинскую комиссию в военкомате.

Из нас пятерых четверо решили ехать поступать в Севастополь. По разным причинам трое отсеялись, я остался один и дошел до финишной прямой

Под звуки «Варшавянки» поезд на Севастополь отходил от станции «Волгоград-1». В купе вагона со мной оказался еще один парень, направляющийся в то же училище. Крепкий, белобрысый, с уверенным тяжеловатым взглядом. Его лицо с напухшими бровями и носом с горбинкой напоминало лицо боксера. Из дальнейшего общения выяснилось, что он и есть боксер-первоступник.

– Толик, – представился он.

В соседнем купе ехал еще один кандидат в курсанты военно-морского училища. Он был из небольшого городка в области и представился Николаем.

Так мы и стали держаться втроем. Ни один из нас толком об училище ничего не знал.

От вокзала в Севастополе мы добрались до Графской пристани и через полчаса вышли из катера на пирс «Голландии», именно так назывался военный поселок и училище, расположенное на его территории. Метрах в ста пятидесяти от пирса стояли ворота с якорями. К ним мы и направились.

Навстречу нам вышел курсант с сине-белой повязкой на левой руке выше локтя. Привет-привет. Мы поставили чемоданы на асфальт.

– Поступать? – спросил курсант.

– Ну да. Только мы ничего не знаем об училище. Ты нам хоть немножко расскажи.

– Училище классное, – с гордостью начал вещать парень, – готовит специалистов на подводные лодки.

– Куда-куда? – заволновались мы.

– На подводные лодки, – уверенно подтвердил курсант.

– Ни хрена себе! Мы на это не рассчитывали, – переглянулись и почесали затылки мы.

– Заходите, – пригласил курсант.

– Да нет, погоди. Надо подумать.

Мы отошли от ворот и стали горячо обсуждать полученную информацию. Сошлись на том, что на лодках мы служить не хотим: полысеем, зубы выпадут и так далее... Нет, нам этого не надо. Возвращаемся на вокзал. Решили – поехали. Надо сказать, что парень Николай из области почти не принимал участия в обсуждении и принятии решения. Он просто сказал:

– Я – как вы.

Вернувшись на вокзал, обнаружили, что обратный поезд отправляется завтра. Новая задача: надо где-то переночевать. Денег – в обрез. Сошлись на том, что надо возвращаться в училище, по крайней мере, там мы переночуем бесплатно.

Курсант на воротах встретил нас улыбкой и объяснил куда идти.

Мы попали в роту абитуриентов. Там уже было человек пятьдесят или больше. Нас поразила широкая география городов, представленная здесь парнями. Весь вечер в наше помещение шли курсанты искать земляков. Пришло много волгоградцев с разных курсов. Все хвалили училище и его порядки и традиции. И что очень обратило на себя внимание, это – дружность волгоградцев, независимо от курса.

Народ в помещении гудел до отбоя. Эмоций было море, и все положительные. Я вообще встретил парня, который годом раньше закончил мою же школу. Мы знали друг друга до этой встречи. После отбоя долго не могли уснуть, в головах – полная каша, положительные эмоции выше крыши.

Утро. Построение. Уже появились новые знакомые, и подводные лодки уже не так пугали. Когда это еще будет?! А сейчас жизнь бурлит! И это не все, нас еще не встретил спортзал.

– Давай, наверное, оставаться. Все не так плохо. Дальше видно будет, – высказал утром свое мнение Толик.

– Я согласен, – это мое мнение.

– Я – как вы, – подтвердил Николай.

И мы остались. Мы были просто пацанами, жаждущими жизни и приключений. Начиналась наша жизнь в профессии военных моряков.

Мы остались. До пенсии.

Вы замерили глазомер?

В то время я жил в огромной стране под названием СССР, не меняя места жительства относительно сегодняшнего. В ней применялась Советская власть, которая давала массу преимуществ своим гражданам, таких как: планирование в рамках государства и отдельно взятой семьи, прогнозирование собственного будущего, стабильные зарплаты, которых-таки хватало до следующей, и прочих.

А эти преимущества, в свою очередь, давали возможность жить неторопливо, уверенно, иногда даже праздну.

Люди ходили в гости.

Я именно об этом. В то утро я был дома и в определенный момент получил к себе гостя Наталью, близкую подругу нашей семьи. Это не вызвало у меня страха: чай и что-то к нему всегда было.

За чаем разговор потек непринужденно и даже весело. Мы сидели за столом на кухне, перед нашими глазами был небольшой коридор и входная дверь. Коридорчик далее заворачивал направо к главной комнате нашей квартиры.

Как правило, с утра одного гостя бывает достаточно... Но резкий звонок прервал нашу беседу.

Я встал, подошел к входной двери и открыл ее.

По-моему, это был май. Даже в яркий солнечный день на лестничной площадке были сумерки. Я никого не увидел перед собой и собрался было закрывать дверь, но тут ниже моего пояса в сумерках подъезда что-то шевельнулось. Я взгляделся... Боже мой, там стояла совершенно замечательная девочка, наверняка первоклассница, в школьной форме и с бантами на голове. В ее руке был лист белой бумаги, разлинеенный и разграфленный, как накладная.

Циферки слева, я догадался, обозначали номера квартир, а в столбце справа местами стояли подписи.

–Что тебе, девочка? – спросил я с улыбкой уверенного в себе человека.

Советские школьники, надо вам сказать, тоже были достаточно уверенные в себе... И вот с этой интонацией, как будто я ей что-то должен, требовательно она обратилась ко мне из темноты подъезда:

–Вы замеры глазомер?

ОПА! Мою уверенность как ветром сдуло. Я слышал вопрос, в этом не было сомнений, но такое было впервые в моей жизни, и я опешил. Начал судорожно соображать, как все будет происходить, понимая, что на контроле всего процесса будет стоять вот этот конкретный ребенок.

В поисках поддержки я обернулся к Наталье. По ее лицу было понятно, что она тоже слышала вопрос, и великая женская реакция: она вздернула плечиками и весело заливисто засмеялась. Как она сказала потом, такого глупого выражения моего лица она еще никогда не видела.

В моей голове формируются возможные варианты реализации задачи. При этом окончательно обескураживает листок в руках девочки с росписями соседей, они справились, о чем и поставили свои подписи.

Я поворачиваю голову влево и прикидываю расстояние до угла комнаты. Каково будет задание?! Вот она войдет и спросит: «Какое расстояние до угла комнаты?» Я ей – ответ, а она – рулеточку из карманчика, и – на тебе, опозорился!

Волнуюсь, как пацан. Наталья вытирает слезы от смеха. Я ищу лазейку какую-нибудь и прошу девочку повторить вопрос. Она с той же твердостью и укором повторяет:

–Вы замеры глазомер?

Нет разницы в вопросе. Но в голосе девочки появилось какое-то возмущение, укоризна что ли...

Совершенно сбитый с толку, дрожащий внутри от непонимания происходящего, я попросил объяснить мне всю процедуру замера. При этом было впечатление, что девочка лопнет от возмущения.

Она шлепнула ладошками себя по бедрам и громко сказала:

–Вы что, дяденька, не понимаете?! Бывает война.

Я говорю:

–Ну да.

Она:

–А бывает мир.

Я опять:

–Ну да.

Отупение полное. Она:

–Так вы за войну или за мир?

Эврика!!! Я аж подпрыгнул! Я понял, она изначально задавала вопрос: «Вы за мир или не за мир?». Видимо, вкупе с небольшим дефектом речи получилось то, что получилось.

Я обнял девочку, сказал, что за мир, что она молодец, что собирает подписи в поддержку Мира на Земле, расписался в ее накладной и закрыл дверь.

Наталья рыдала от смеха, а я впервые почувствовал себя полным идиотом.

Джаз – рок.

К моменту женитьбы я уже имел четкие предпочтения о порядке рождения детей. Первенцем хотел видеть сына, вторым ребенком – дочь. Так и получилось: через восемь лет после сына родилась дочь. Счастье!

Не буду описывать, каким способом я радовался, просто скажу – сильно.

Жена плохо себя чувствовала последние семь–десять дней перед родами, и накопилось море грязного детского и прочего белья. Я успевал стирать и сушить утюгом только оперативные его объемы. Но это были еще цветочки, как стало ясно после рождения дочери.

И вот она пришла в наш мир, стандартного роста и веса, с нормальным цветом кожи. Все нормально.

Ненормальными были только два события: жена и недели дома не пробыла после выписки из роддома, ее увезла «скорая» прямо на операционный стол по поводу какого–то осложнения. И второе: дочь кричала, как резаная. Кричала изо всех сил! Что там происходило в ее маленьком организме – одному Богу известно.

Как только мы остались дома втроем (сын, дочь и я) меня охватила паника. По–моему, я чувствовал себя комфортнее, когда тонул в детстве, обучаясь плавать на Бузулуке. Надеюсь, вы меня поймете: орущий без умолку младенец, ожидающий от меня решений восьмилетний сын, жена в больнице и груды нестираного белья, в квартире – хаос. Ко всему прочему, надо всех кормить, включая себя.

Некоторое время я провел в полном оцепенении, не понимая за что хвататься. Постепенно мозг начал выстраивать планы борьбы с разрухой, и я включился.

Мое тело в разной последовательности готовило еду из молочных смесей для дочери, еду для нас с сыном, в основном, из куриных яиц, стирало вручную и сушило утюгом пеленки, стирало остальное белье в активаторной машинке и вывешивало его в длительную сушку на балкон, меняло пеленки дочери и так далее.

Очень скоро я почувствовал себя универсальной хозяйственной машиной нового поколения, потому что всему этому перечню не было конца. Если я с каким–то делом управлялся, то необходимо было срочно браться за другое. Я не садился и, уж тем более, не ложился.

Втянулся. Только «не выключайте компьютер из розетки».

Сын тоже получил свою меру ответственности за младшую сестру, он бегал к маме в больницу утром и вечером каждого дня за сцеженным грудным молоком, которое мы стерилизовали и поили им главного человека всей этой ситуации. Кроме всего прочего, сын был связующим звеном с женой, мобильных телефонов тогда еще не было.

Повторяю: это все – преодолимые трудности. Только одна непреодолима, это – крик дочери.

Вы же знаете, что это природа так позаботилась о малышах, чтобы о них не забыли: она наделила их голос совершенно непереносимым тембром. Так и хочется подскочить к ребенку и успокоить его.

У-у, у-у, у-у, покачал. Орет!

Попрыгал с ней на руках. Орет!

Попробовал по–другому: а-а, а-а... Все равно.

Песенку затянул, по моему мнению близкую к колыбельной... Орет!

Сами понимаете, что это не весь перечень попыток успокоить ребенка. А у меня дел полно! Жизненно важных.

Трое суток я спать не ложился, просто не ложился: было некогда. Ноги начали заплетаться, язык тоже. Дочь орет.

Попробовал мелодичную музыку – безрезультатно. Симфонию – нет. В какой-то момент я заметил, что дочь молчит, она спит. Связать это было не с чем.

Затем этот случай повторился. Я начал сопоставлять с предыдущим, и единственное, что их объединяло, это звучание джаз – рока из колонок в исполнении Яна Андерсона и Jethro Tull. Достаточно жесткая музыка местами. Ну, уж колыбельной ее никак не назовешь. В третий раз я с замиранием сердца и надеждой зарядил пластинку Jethro Tull и остался в комнате понаблюдать за дочерью.

УРА! Она заснула буквально через пару минут.

Выход был найден, мой организм обмяк, и еще через пару минут заснул и я, сидя в кресле.

Маленькое событие.

Перестройка, великая пора. Рост цен соревнуется по скорости с падением удельного веса зарплаты. Народ, кто может и если есть где, подрабатывает на двух-трех работах.

Зарплата до зарплаты не хватает. Каждый день ревизия кошелька, сверка возможностей. Поход на рынок за продуктами превращается в сложное комплексное экономическое мероприятие: надо умудриться на мало денег купить продуктов впрок. Одним словом, жили без излишеств.

Я суетился, как все: подтаксовывал на машине по вечерам и занимался посредничеством. Вторым видом, по-моему, в то время занимались все. В общем, крутил педали, что есть сил.

Однажды мои усилия увенчались успехом, и я получил кругленькую сумму в виде вознаграждения за подписанный моими усилиями контракт. И это пока тайна для жены. Завтра поход на рынок – будет ей приятный сюрприз.

И вот – завтра. Я, жена и трехлетняя дочь на рынке. Свекла, лук, картофель – все это скучно для ребенка. Она идет за руку со мной без интереса к происходящему. И вот она встрепенулась: бананы! Они такие красивые, прямо светятся, идеально желтые. Мне кажется, я за жизнь красивее тех не видел. Дашенька за руку тянет меня к ним. Заворачиваем к прилавку с дочерью, я прошу взвесить килограмм. Дочь застывает от неожиданной возможности (мы не позволяли себе таких излишеств). Она затаила дыхание и превратилась в немую просьбу, говорят только ее глаза. Жена бьет меня кулаком в спину незаметно для дочери, а ребенку говорит, что это очень дорого, и мы не можем купить ей бананы. Продавец тормозит, кого из нас слушать? Дочь застыла в позе часового у знамени части. Неужели сорвется?!

Да... ситуация. Но у меня-то в кармане вагон денег...

Я тогда говорю продавцу: «Взвешивайте килограмм и еще три штучки, мы их сразу съедим».

Жена дергает меня за руку, дочь не дышит и, по-моему, взлетает над землей: почти сбылось!

Я никогда не забуду бесконечного счастья на ее трехлетнем лице, это изнутри чистойшей души. Эти эмоции дочери навсегда остались в моей памяти и сердце. Кажется, что они были самыми яркими, может еще и потому, что создавали резкий контраст с нашим непростым бытом тех времен.

Жена все поняла, когда я достал из кармана деньги, перестала меня колотить и заулыбалась.

Килограмм бананов мы положили в сумку, очистили три и съели их с удовольствием. У дочери после этого восторга всю дорогу рот не закрывался, она говорила, говорила...

Она пребывала в счастье, я – тоже.

С добрым утром!

– С добрым утром! – сказал я жене, откидывая одеяло. За окном было яркое солнце и ни облачка.

– Что–то ты рано сегодня, – удивилась жена.

Дети спят, а я выспался и решил использовать небольшой запас времени с пользой для семьи.

Мы недавно получили долгожданную квартиру, от которой до нас отказалось человек десять соискателей. Люди отказывались от нее, потому что чаще всего западный ветер с дождем забивал воду через щели и трещины в стене в квартиру, особенно вокруг окон. Все окна квартиры выходили именно на эту сторону, поэтому, можно сказать, почти вся внешняя стена была постоянно влажная, и на ней не удерживались обои.

Но я–то знаю, что из всех ситуаций есть выходы. И поэтому раздобыл герметик по бетону, очень вязкую серую нитрокраску. По сути, ее герметическое свойство состоит в том, что, проникая во все щели, она мгновенно высыхает, превращаясь в резину, прочно приклеенную к стене.

И вот, в мой замысел входило дожидаться несколько сухих солнечных дней подряд и промазать плоской кистью герметик вокруг окон снаружи по периметру.

Такое утро наступило. До выхода из дома на службу было чуть больше часа. Вполне достаточно, чтобы обработать кухонное окно.

В хорошем настроении я бодро размешал до одинаковой консистенции содержимое банки с герметиком, вооружился плоской кистью, сел верхом на подоконник так, чтобы одна нога была снаружи, а другая внутри квартиры и принялся за дело.

Сначала я занялся вертикальными поверхностями и достаточно быстро с ними справился. Затем решил обработать верхнюю горизонтальную перекладину и в последнюю очередь – нижний горизонт, то есть подоконник.

Все шло программно, настроение поддерживало яркое солнышко, редко бывающее в этих местах. Капля густого, тягучего нитрогерметика сверху неожиданно угодила в мой широко открытый правый глаз.

Это что–то!!!

Мне почудилось, что это кусочек раскаленной золы попал мне в глаз или искра от сварочного аппарата. Я был уверен, по ощущениям, что глаз выгорит.

Скачками – в ванную, промывать водой... Нет, бесполезно, вода не промывает. Плюс ко всему прочно склеились ресницы. Я бросился к растворителю, к одеколону. То есть, лил в глаз все, что попало, и тер ватным тампоном в попытке разодрать ресницы. От моих скачков проснулось все семейство и молча наблюдало за всем происходящим.

В конце концов, путем многих манипуляций мне удалось разодрать ресницы, но, к сожалению, глаз не раскрылся, потому что к этому времени я натер его и все вокруг него до опухли и гематомы.

Боль немного успокоилась, я промокнул лицо полотенцем и вышел к семье.

Какой начался ржач! Конечно, им было меня жалко, но крайняя несимметричность моего лица всех развеселила.

Оставшимся глазом я не видел дочери, войдя в детскую. Оказалась, что она сидела на наклонной веревочной лестнице с огромным узлом каната в руках. Я вошел к ней в комнату со словами:

– С добрым утром, доченька!

Я ничего не увидел, а просто почувствовал сильный и жесткий удар по зубам. Инстинктивно закрыл лицо руками. После того, как первая боль прошла, я отнял от лица руки и увидел на них кровь (обе губы были разбиты). А еще я увидел испуганное лицо Даши, в ее руках уже не было узла каната, и она нерешительно прошептала:

– С добрым утром, папочка.

Я взял ее на руки и рассмеялся весело–развесело.

Пришло время одеваться на службу. Когда я поместил на голову белую военно–морскую фуражку, меня снова разобрал смех: выглядел я ужасно, и больше всего напоминал дебошира из пивбара, одетого в военную форму.

Смеялись все, было очень весело.

Далеко не весело меня встретили командиры. Главный инженер хмуро спросил:

– С кем бился?

А потом:

– Пять суток ареста тебе хватит?

Я стал торопливо объяснять произошедшее, но главный инженер меня перебил:

– А–а, пять – мало, ну езжай на семь.

Я улыбнулся и вместо службы отправился на гарнизонную гауптвахту на семь суток. Утро сложилось очень веселым.

Неожиданная роль.

Мне лет 27. Моему сыну–первенцу года 4. Мы водим его во флотский садик. Там хорошее обеспечение, прекрасный педагогический персонал, он теплый. Воспитатели в нашей группе моего же возраста. У нас прекрасные отношения, мы частенько отмечаем вместе праздники, помогаем друг другу, чем можем...

Конец декабря, предновогодние утренники. И вот мы с женой приходим чуть раньше на праздник к сыну, чтобы занять места в первом ряду. Воспитатели суетятся, им некогда расшаркиваться перед родителями, они с головой в подготовке спектакля.

Вдруг ко мне подбегает одна из воспитательниц и тараторит, торопясь:

– Сереж, нужна твоя помощь. У нас возникла проблема с Дедом Морозом, мы настойчиво просим исполнить роль тебя.

– Да я только со службы. Что, прям в форме?

– Нет, мы тебя оденем. Идем скорее.

– Да надо подумать.

– Некогда думать, через 15 минут начинаем.

Мы бежим в условную примерку.

– Раздевайся, – торопят они меня.

Эту команду я выполняю легко и быстро. Теперь одеваемся. Сначала красные штаны. На два размера меньше, чем я ношу, но натянул. Дальше – халат с кушаком. Здесь все нормально. Следом – валенки. Они даже визуально очень маленькие.

– Не натяну, – говорю.

– Натяни, Сереженька, что ради детей не сделаешь?!

Начинаю обуваться в валенки:

– Нет–нет, они размера на три меньше. Давайте я буду в ботинках.

– Ты где видел Деда Мороза в военно–морских ботинках? – строго спрашивают воспитатели.

Думаю, наверное, подвиги и складываются из таких вот мелочей. Просовываю ногу в валенок. Чтобы проникнуть в него полностью пальцы ног приходится сжать в кулаки. Второй – тем же способом.

– Я долго так не выдержу, – ною я.

– Выдержишь, Сережа, всего 45 минуток, – гипнотизируют меня воспитатели хором.

Я настраиваюсь на подвиг. Оказывается, что это еще цветочки, главное испытание – впереди.

Борода на резинке – нормально. Очки в сборе с носом и усами на очень короткой вытянутой резинке, считай, на веревке...

– Ой, ой, – чуть не плачу я, – не надо, больно.

– Как это не надо? Не бывает Деда Мороза без очков и усов. Веревка с усами так врезалась в хрящ, разделяющий ноздри, что из глаз невольно брызнули слезы.

– Замените хотя бы веревку на более длинную, я же ничего не вижу из-за слез. Да и стишки все вылетели из головы от боли.

– Сереж, нет длиной веревки, да и время уже. Ты слышишь, как тебя дети зовут?

И вправду, в зале дружно кричали дети:

– Дед Мороз! Дед Мороз!

Это, значит, меня они хотели увидеть. И я пошел, ведомый Снегурочкой (одной из воспитательниц), потому что сам из-за слез ничего не видел. А вытереть их было невозможно, мешало обилие оборудования на моем лице. Ступни, сжатые в кулаки, придавали моей походке схожесть с походкой киборга, раненого в жизненно-важные органы.

И вот плачущий, плохо передвигающийся, ведомый за руку Снегурочкой, я появился перед веселыми детишками и их родителями. Никто ничего не заметил, даже того, что праздничные стишки я цедил сквозь зубы, сжатые плотно от боли. Больше, чем на героя Нового года, по поведению я был похож на героя какого-нибудь советского фильма, где на допросе бородатый солдат-партизан, почему-то одетый в красное, твердил оккупантам:

– Ничего я вам не скажу! – сквозь зубы, конечно.

Мне казалось, что спектакль длится целую вечность, но, так или иначе, утренник закончился, мои физические муки – тоже.

Все были довольны, мой сын периодически громко кричал:

– Это мой папа! Это мой папа!

А жена потом спросила:

– А что ты такой скованный был?!

Блюз или Восторг властью.

Мы с детства приучены к тому, что мы и власть едины.

Утро 21 века. Начало зимы. Мама откидывает одеяло в волевой попытке подняться с постели. И сразу скрип:

– Да что же это за ледник такой, по квартире ветер гуляет. Ну-ко, потрогай батареи.

Трогаю:

– Да чуть теплые.

– И за что мы платим круглый год? За этот мороз? У них в квартирах тоже так холодно? Сомневаюсь!

Мама, утепляясь, продолжает бурчать, вспоминая все обнадеживающие плакаты прошлого:

Завтра будет лучше, чем сегодня.

Коммунизм не за горами.

Мне все это нытье уже изрядно надоело, я уже сто раз предлагал продать эту Богом забытую квартиру, где вода не поднимается до третьего этажа, где зимой + 15 в квартире. Но у мамы аргумент: мы здесь прожили 46 лет, и ты будешь жить здесь!!!

А я не понимаю, ради чего эти муки терпеть: программно не искупаться, не постирать, даже не побриться!

У мамы есть еще аргумент: мы в 40-е годы жили еще хуже.

Да! Аргумент! Но у меня вопрос: а куда мы движемся, взад или вперед?

К середине дня, к обеду начинается другая история. И, если вы думаете, что между первой и второй есть перерыв, то – не думайте, его нет.

– Сахар уже дороже 40 рублей! – сокрушается старушка, – а картошку из того, что мы купили, половину приходится выбрасывать!

Далее: мука, пшено и прочие продукты, за которые ей приходится отдавать деньги соцработнице:

– Полгода назад я давала на продукты 300 рублей, а теперь 600 отдаю!..

Конец холодного дня в квартире начала декабря.

Она:

– Позвоню в ЖЭУ, сколько можно?! Жить в холоде, без воды!..

Звонит... Дозвонилась, там уютный, женский голос интересуется, в чем проблема, и без промедления объясняет, что у них уже все готово к подаче тепла.

– Подождите немножко, потерпите, – говорит этот голос, – все скоро будет.

Мама удовлетворенно кладет трубку телефона и говорит мне:

– Уже все на мази, скоро все будет нормально!

Она очень довольна голосом и обещаниями этого голоса. На полдня я лишен поиска ответа на гипотетический вопрос:

– Да когда же это кончится?!!!

Без выбора

Из реанимации меня перевели в двухместную палату. Вторая койка обжитая, но соседа нет. Помещение чистое, светлое, просторное. Гигиенический блок с душевой кабиной. Условия прекрасные.

Через несколько минут вошел сосед, подтянутый, высокий, с горделивой осанкой мужчина. Двигался он неторопливо и уверенно.

– Сергей, Ваш новый сосед, – еще слабым голосом представился я.

– Юрий, – сказал он, протянул мне руку и на мгновение задумался... Улыбнулся и повторил твердо:

– Юрий.

Как я понял, он размышлял, надо ли мне представиться с отчеством. Это было, в первую очередь, обусловлено разницей в возрасте. На мой взгляд, она составляла пятнадцать–двадцать лет. Во вторую очередь, даже с первых секунд нашего контакта было понятно, что за его спиной десятки лет руководящей работы. Это отражалось во взгляде, осанке и даже в том, как произнесено имя Юрий. Четко, внятно, с достоинством.

По моим прикидкам соседу было около восьмидесяти лет, чуть больше или чуть меньше.

Следом за Юрием в палату вошла молодая женщина в белом халате и представилась моим лечащим врачом. Маленькая, стройная, с короткой стрижкой темных, густых волос.

Ее первыми рекомендациями для меня были: неделю лежать, садиться на кровати три раза в день на пятнадцать–двадцать минут. Получается, что мои основные картинки пока, это: белый потолок и желтые стены.

К моему соседу она обратилась по имени и отчеству. Разговаривала с уважением, и явно не только из почтения к его возрасту. Создавалось впечатление, что он здесь свой человек.

После ухода из палаты врача и на основе первого короткого общения я подумал, что Юрий во многих местах свой человек. Такое впечатление он создавал. И еще: стало ясно, что Юрий, белый потолок и желтые стены – мое окружение на ближайшую неделю.

Поначалу нельзя было сказать, что Юрий активный собеседник. Но и замкнутым его нельзя было назвать. Говорил он неторопливо, взвешенно. На первой стадии наше общение носило ознакомительный характер: откуда родом, специальность по ВУЗу, где учился и прочее.

Как правило, не надо много времени, чтобы разобраться, интересен тебе собеседник или нет, вызывает он симпатию или антипатию. Тем более важно сойтись в оценках друг друга, когда общение вынужденное, нет возможности выбора собеседника. Потихоньку, полегоньку мы начали говорить о детях, их предпочтениях и пристрастиях. А это уже личное. Мы пришли к определенному уровню доверия. В этом случае темы для разговора приходят сами по себе, их не надо выдумывать.

– А учился я в Москве, – вспоминает с улыбкой Юрий, – какая у нас была студенческая столовая! Так вкусно можно было поесть или в ней, или дома. Все натуральное: сметана – значит сметана, хлеб вместо торта с чаем можно было есть. Тогда только–только начинали готовить люля–кебаб. Сережа, это был настоящий люля, за уши не оттянешь! Сочный, душистый, вкусный.

– А сходишь в магазин за колбаской... – продолжал он, – так это была колбаса! Из мяса, без сои и ароматизаторов. Она сама по себе была ароматная.

– Да, – соглашаюсь я, – это времечко краешком пролетело по моей судьбе. Вспоминается жизнь в Питере с лета 78-го по лето 79-го года. Жена не работала, жили на мои сто восемьдесят рублей в месяц. Снимали однокомнатную квартиру, ходили по выставкам, музеям и театрам. Незваных гостей не боялись. Пришел народ к нам в гости, я сбегал в магазин – на столе все есть. И вкусно, и доступно по цене.

Помолчали. Каждый вспоминал свое.

– В семидесятые возникла необходимость в нормальном районном стационаре, – продолжал мой собеседник, – построили больницу на двести сорок коек. Упаковали ее современным оборудованием. Собрали лучший медперсонал со всей области. А знаешь, чем привлекли специалистов? Построили дома, нарезали приусадебные участки. Только приезжай работать, условия жизни прекрасные. Сережа, а как было красиво внутри больницы! Отделения закрепили за разными хозяйствами и организовали соревнование, у кого будет чище и красивее.

– Много лет больница гремела на всю область, была лучшей среди стационаров, – завершил рассказ Юрий.

Мне разрешили вставить и диапазон наших тем расширился. Подошел к окну, а за ним Волга, красавица. Смотрю и рассуждаю:

– Глянь, куда коса вытянулась, дальше Центральной набережной. Когда я в школе учился, она доходила не дальше русла Пионерки. Правда, тогда по Волге регулярно земснаряд ходил. Чистил, углублял. Рядом с ним всегда была баржа, куда вымывали песок со дна. А теперь его выносит течением на косу. Земснаряда здесь я не видел, наверное, лет тридцать.

– А ты помнишь, Сережа, как по Волге сплавливали лес?, – поддерживает мои воспоминания Юрий.

– Да, помню. По–моему, плоты сплавливались регулярно, начиная с весны. Волга была серьезной транспортной артерией.

– Сережа, а ты знаешь, что Дон был судоходным до самой Вешенской станицы?, – улыбается мой собеседник.

– Нет, в детстве мне не доводилось бывать на Дону.

– А я тебе сейчас расскажу.

Во–первых, земснаряд регулярно чистил и углублял русло. Весь береговой люд передвигался вверх–вниз по Дону только на маленьких катерах человек на двадцать. Это не все. Топливо сельскому хозяйству доставлялось только по воде, железную дорогу построили позже. Зерно вывозили по воде: тока создавали на высоком берегу реки. Баржи зерном грузили по брезентовым рукавам самотеком.

– Здорово, – восхищаюсь я, – все гениальное просто. И дешево.

– Так что, Сережа, Дон тоже трудился на благо Родины.

В разговоре об этих великих реках нельзя не вспомнить о рыбе. Сколько ее было!..

Я был еще маленьким, но помню, как отец с дедом ходили утром до работы на Волгу. Всегда возвращались с хорошим уловом: жерехи, язи, стерлядка. Семья с едой, они шли на работу. Мы тогда жили на Метизном в бараках, близко к Волге. И было это до введения в строй ГЭС имени двадцать второго съезда КПСС.

– А селедку на бутылку ловил?, – разгорелся Юрий.

– Нет, я на Волге почти не рыбалил, в основном – на прудах. Как это – на бутылку?

– Просто. За горлышко привязываешь пустую бутылку и бросаешь ее за борт лодки. А потом начинаешь подтаскивать. Она прыгает на воде, а селедка вокруг нее собирается. Подтягиваешь поближе, и рыбу сачком черпаешь в лодку. Во как!

– Да, иногда диву даешься: как такое народ придумает?!

– Сейчас уже подобная рыбалка невозможна, рыбы нет.

В одном из разговоров вспомнили про летние ливни, когда вода по асфальту реками бурлящими текла. Да, она с таким же шумом уходила в ливневку. Дождь кончался, и луж нет на проезжей части.

А я вспомнил, как по проспекту Ленина ходили поливалки, мыли асфальт.

– Каждый день с наступлением устойчивого тепла по проезжей части полуклином шли машины и чистили щетками асфальт, а потом мыли. Город был очень чистым, – поделился я.

– Детвора ходила в спортивные секции, кружки, художественную самодеятельность, – подхватил Юрий с новой силой.

– Мы гоняли дворами футбольный мяч на пустошах, постоянно участвовали в каких-то спортивных состязаниях. Росли здоровыми и крепкими.

– А помнишь, Сережа, – задумался Юрий, – что служба в армии была почетной обязанностью гражданина? Отслужил – мужчина. К ним девчонки липли, а кто пролетел мимо службы, не были в почете у слабого пола. Значит, хилый какой-нибудь, больной. Да и незрелый.

– Помню, помню.

Моего соседа по палате выписали в пятницу, мы пообщались две недели. И, может быть, у меня бы и не появилось желание об этом написать... Подумаешь, разговоры «а помнишь» с вынужденным собеседником. Но он, прощаясь, улыбнулся, подержал мою руку в своей и раздумчиво сказал:

– Нам с тобой хоть вспомнить есть чего. А что к старости вспомнят сегодняшние мальчишки и девчонки?

Да, вопрос! А, ведь, хочется, чтобы им тоже было что вспомнить. И я подумал, что их воспоминания во многом будут зависеть от нас, устраивающих жизнь сегодня.

Страх

Я шел по мартовскому льду залива. Шел аккуратно, внимательно обходя еле заметные полыньи. А еле заметные в марте они потому, что сам лед пористый, неоднородный, и образующаяся полынья покрывается этой крошкой. Поймай ее взглядом, здесь спешка опасна.

День ясный, видимость хорошая. Вдалеке от меня бегают, играют, толкаются и катаются по льду два парня. «Они ведут себя крайне опрометчиво» – подумал я.

Градусов на 120 в другую сторону идет кучка народа, может рыбаки-колхозники, может еще кто... Далековато, не различаю.

Это все, что ловил мой взгляд на данный момент. Эти двое, безрассудно резвящиеся на тонком пористом льду, все же притягивали к себе внимание. Вот они опять побежали, стали бороться, упали на лед и стали кататься по нему в обнимку.

В какой-то момент я обратил внимание, что они сливаются с общим ледяным полем. Я понял: они уже не на льду и еще не под ним. Провалились!

Мозг начинает работать быстро и четко, он оценивает дистанцию до происходящего. Сравнивает расстояние и до той кучки людей, что идут в другую сторону. Они очень далеко, и не факт, что кто-то из них увидел происходящее.

Я уже бегу, глазами пытаюсь удерживать то место, где они ушли под лед. В голове четкое понимание, что их шансом могу быть только я. Снимаю шарф, ищу глазами место, где они провалились. Не вижу, одинаковое месиво вокруг. И вдруг, в одном месте оно зашевелилось, это люди борются за свою жизнь, пытаюсь вынырнуть. Беда, одежда теперь тяжелая, тянет их на дно...

Я быстро, но осторожно ложусь на лед и ползу к кромке полыньи. Вот он, край льда. Опускаю в воду руку с шарфом. Не достаю, но вода там, внизу, ходуном ходит: они еще живы. Еще немножко. Ложусь на бок, тянусь рукой глубже и ощущаю, что сам уже на половину тела в воде. ПРОВАЛИЛСЯ! СТРАХ! Это даже не мысль, а некий штамп, как выстрел: все, конец!

Когда я бежал сюда, было много мыслей о способах и технике спасения ребят, но не было одной, что я сам могу там оказаться.

Спасение невозможно, УЖАС! Я не готов принять случайную смерть!

Просыпаюсь в холодном поту, вся подушка мокрая. Сел на кровати, закурил и подумал: я же смелый парень, как же страх смог меня посетить?! Прошел огонь и воду, и медные трубы, а тут испугался, как новобранец в первом бою.

Приснится же такое! А как же на войне? Страх не оставляет выбора?

Наверняка бойцам в первые дни, недели ВОВ было страшно. Наверняка страх ходил рядом, пока не отгремели последние взрывы той страшной войны. И при этом люди занимались повседневным ратным трудом, писали письма своим любимым, ели кашу в окопах под взрывы немецких боеприпасов. Ходили в атаку под пулями, закрывали своими телами огневые точки противника, шли на таран в воздушных боях...

Как они справлялись со страхом? Как преодолевали его и побеждали?

Курю, думаю... Есть ответ.

Все, что мы делаем, является результатом нашего ВЫБОРА. Война является крайне опасным мероприятием для каждого ее участника. Тешить себя надеждой, что не погибнешь в бою? Надежда, наверняка, была, но главным было другое: люди защищали свою землю, родных, будущее своих детей. Им было ради чего идти в бой, они сознательно выбирали идти через все смертельные опасности, их цели и мечты были за зоной страха. Это и давало возможность дружить со страхом и не поддаваться ему.

Просто сон, а сколько размышлений взбаламутил...

Сосед.

В старом обшарпанном доме послевоенной постройки жили старые люди, они там со времен его заселения. Дети выросли и улетели из родительских гнезд, да это и понятно: квартиры микроскопические, в них вдвоем-то тесновато. Ремонт не было, наверное, тоже со времен постройки.

Я оказался среди этих людей случайно, надо было некоторое время пожить в однокомнатной квартире моей умершей бабушки.

В соседней квартире жили старые евреи, муж с женой. Старые потому, что они так выглядели, их возраста я на самом деле не знал.

Очень добрые, приветливые... Они знали меня сизмальства и продолжали относиться ко мне, как к ребенку. Лия Семеновна была искусным кулинаром и общительным человеком. Приготовив тот или иной деликатес, она обязательно угощала меня. Визит ко мне доставлял ей удовольствие: я всегда нахваливал ее мастерство в приготовлении пищи. К тому же она получала доступ к моим ушам: рассказывала, расспрашивала.

Яков Михайлович был маленьким неразговорчивым человеком. Он постоянно что-то мастерил или ремонтировал. Заходя в их квартиру, я всегда заставал его в коридоре за каким-либо рукоделием. Он курил, как паровоз, несмотря на огромное количество страшных медицинских диагнозов. Дверь в комнату из коридора он закрывал, чтобы не травить жену, а сам находился в состоянии дымной невесомости. Ужасно кашлял при этом. Его неразговорчивость не мешала нам общаться посредством пяти-десяти слов с каждой стороны.

Он еще и работал на каком-то заводе слесарем-инструментальщиком. И, несмотря на его недуги и почтенный возраст, был очень востребован. Редкий специалист, да еще и порядочный человек – таким был мой сосед.

Я вставал рано и рано выходил из дома на работу. Яков Михайлович выходил из дома еще раньше. Наш маршрут от дома до трамвая совпадал, только он его преодолевал за полчаса до меня. Ходил он медленно, переваливаясь с ноги на ногу, и курил... Курил он постоянно; мне кажется, что прерывал он это занятие только на время еды. И то можно посомневаться.

В то утро все было, как всегда. Поздняя осень, я вышел из дома затемно. Маршрут неизменный. В последнем дворе перед трамвайной остановкой заметил человека, лежащего немного в стороне от тропинки. Он съехался и скорее напоминал кучку выброшенной одежды.

Я подошел к нему и потрогал за плечо. Человек застонал – живой. Я перевернул его на спину и узнал Якова Михайловича. Глаза закрыты, изо рта – слюна... На мои вопросы не реагировал.

Надо нести домой. В моих руках портфель, с ним – сумка. Ладно, как-нибудь приспособлюсь. Людей – то нет рядом, рано еще, а то и помощи попросить не грех.

Взял его на руки, как ребенка, чтобы ему было удобней. Легкий. Взял еще и нашу с ним поклажу. Прошел метров двести-триста, уже и не такой легкий, как сначала. Портфель с сумкой – дополнительный вес и неудобство. Решил по-другому: несу Якова Михайловича метров сто, сажаю его на землю (лавочек не было во всей округе), возвращаюсь за поклажей. Несу портфель с сумкой до того места, где сидит Яков Михайлович, оставляю их, беру его. Опять – сто метров. И так далее, челноком.

Начали встречаться люди, а я начал понимать, что одному мне не дотащить его до дома. Стал просить прохожих о помощи, в лучшем случае слышал в ответ:

– Мне некогда.

Или:

– Спешу на работу, извините.

Одним словом, после трех обращений и отказов я обозлился и прекратил просить помощи у сограждан.

Уже страсть, как тяжело, спина онемела, ноги трясутся, руки не держат. Подумал-подумал, решил изменить способ переноски соседа на менее удобный для него, но более удобный для меня: взвалил его на плечо, в противоположную руку взял нашу с ним поклажу и пошел.

Я дошел-таки до дома, поднялся на наш третий этаж, уложил Якова Михайловича на диван в его квартире и грохнулся на диван в своей. Ноги тряслись, руки – тоже. Одежда, несмотря на достаточно прохладную погоду, мокрая от пота.

Посидел, принял душ, оделся в сухую свежую одежду и отправился на работу.

Опять все, как всегда.

Ближе к обеду позвонил на домашний Лие Семеновне узнать, как там Яков Михайлович. Она сказала, что приехавшая скорая констатировала смерть, и что она благодарна мне за то, что он умер дома, а не на земле в чужом дворе. Она говорила спокойным ровным голосом, видимо, для нее это было ожидаемым событием.

Господи, это значит, – он умер, пока я его нес. Ну да, если вначале он хрипел, то ближе к дому – затих.

Меня опять такая злоба взяла за черствость людей!... «Я тороплюсь, мне на работу», – их не касается чужая смерть.

Я подумал о соседе. Он шел своей дорогой, а смерть – своей. При его ужасном здоровье не припоминаю, чтобы он пользовался больничными. В любом состоянии, переваливаясь с ноги на ногу, этот маленький старый человек шел на работу.

Что это? Привычка? Сознательность? Ответственность?

Похоже, всего этого хватало в поколении наших отцов и даже более.

Нам есть чему у них поучиться.

Силы человеческие.

Давным–давно, в советские времена у меня был приятель Илья. Он был лет на десять старше меня, занимал высокий пост в народном хозяйстве. Был наделен умом, здоровьем, крепкой семьей с двумя дочерьми–красавицами и властью. Думаю, что, если бы его спросили на то время, счастлив ли он, – был бы положительный ответ.

Мы дружили семьями, часто выезжали на природу, отмечали вместе праздники. Уклад жизни тех лет все это позволял. Мы думали, что так будет всегда.

Наступали «лихие» 90–е, выживать стало труднее, работать приходилось больше, видаться с друзьями – реже. Вот и мы стали встречаться все реже, а потом и вовсе потерялись в пучине тех беспокойных лет. У многих людей круг общения сузился до рабочей команды.

Много лет прошло с той поры, много воды утекло. И в моей жизни было много перемен...

Знакомое лицо на улице...

– Илья, ты что ли?, – кричу я.

Оборачивается, всматривается в мое лицо, начинает улыбаться беззубым ртом. Господи, совсем другой человек. Куда девалась стать, крепкий торс, зубы?! Передо мной стоял улыбающийся худой, высокий человек с усталым лицом.

Я спрашиваю:

– Где ты, как ты? Сколько лет прошло! Живем в одном городе и больше десяти лет не виделись.

Присели мы на лавочку в скверике, он долго вглядывался в мои глаза, как будто хотел что–то понять. А потом начал говорить...

С учетом должности за его подписью перечислялись огромные суммы денег в реализацию планов народного хозяйства. В какой–то момент что–то пошло на так: к нему в кабинет явились сотрудники одной из силовых структур и надели наручники. В интересах дела он был арестован без права на переписку. Ни писем, ни свиданий с близкими. Для семьи человек просто пропал, исчез.

Ну, а Илью–то самого заботит вопрос оповещения семьи о своем месте пребывания. В угоду этой цели подвернулся случай: из мест лишения свободы освобождался безродный урка. Никто его не ждет, не встречает. Илья к нему и «подъехал», мол, понеси весточку жене о том, где я и как; она тебя и накормит и напоит и спасибо скажет. На том и порешили, ушел сокамерник.

Раньше или позже Илье отмеряют двенадцать лет общего режима без права на переписку. Уходит он на зону. А вдогонку ему официальное сообщение: жену убили в своей квартире (дочери уже жили отдельно), обворовали и заперли за собой входную дверь. Пока соседи не всполошились по поводу специфического запаха в подъезде.

Подонка нашли быстро за распродажей ценностей из квартиры Ильи. Им оказался «брат» по камере, ушедший с весточкой к семье. Дочери, испугавшись происшедшего, разъехались в другие города; у них создалось впечатление, что над семьей нависло проклятие.

Нельзя сказать, что восемь лет в зоне прошли незаметно для Ильи, но они прошли. Его условно–досрочно освободили. Воля! Свобода! Что может быть слаще?! За эти годы он познакомился с женщиной по переписке, она стала приходить к нему на свидания. Так или иначе, у них образовалась семья, если не по закону, так по совести. К ней он и вышел из лагеря. Женщина простая, скромная, тихая и добрая. Счастью не было предела.

На следующий день Илья пошел подавать документы на прописку, на трудоустройство. А еще на следующий день за ним приехал «воронок» и отвез в лагерь еще на полтора года: мол, ошибочка вышла, рановато освободили.

В этом месте рассказа он мне и говорит:

–До этого держался молодцом: бегал по стадиону лагерному, гантели, гири... А тут, как ножом по горлу: дыхание вырубил и сердце шлепнулось на асфальт. Теперь без таблеток от сердца из дома не выхожу.

С минимальной паузой начинает хвалиться собакой, которую кто–то им подарил. Глаза заблестели радостью и оптимизмом. Только на лице сохранилась печать страданий и усталости.

Я смотрел на него и думал, сколько же человеку по силам? И приходил ответ один: Бог не дает испытаний больше, чем человек может вынести.

Старик

Много людей проходит перед глазами за жизнь. Некоторые из них яркие, как вспышка света, и этим запоминаются. Другие, чтобы обратить на себя внимание, одеваются, как новогодняя елка. Иные орут там, где этого не требуется, и ведут себя вызывающе тоже только для того, чтобы на них обратили внимание... Других не видно вообще, они проходят где–то рядом, не задев, не побеспокоив, не вскрикнув, не всхлипнув... Они исчезают также незаметно, как и появляются.

А есть люди, которые приковывают к себе внимание чем-то особенным, ненарошным (авт). Этого человека, вроде бы, и не запоминаешь навсегда, но при новой встрече смотришь на него и непременно думаешь: «Где же я его видел?!» И нет покоя, пока не вспомнишь...

Именно такой человек очень бодро делал упражнения на перекладине спиной ко мне. Я же пил кофе у окна и наблюдал с высоты второго этажа за дворовым спортсменом. Совершенно точно я его уже видел, но не присматривался к нему. Такой задачи не было и сейчас, просто было время.

Мужчина спрыгнул с перекладины, промокнул полотенцем вспотевший крепкий торс и повернулся в мою сторону. Нельзя сказать, что я был обескуражен, но совершенно точно в моей голове появился вопрос: «Сколько же ему лет?» По состоянию тела и бодрым движениям – в районе сорока. Но седая борода и морщинистая шея ниже нее прибавляли возраста этому человеку. Короткая седая прическа говорила о склонности ее владельца к порядку и дисциплине.

Брови... Именно они поставили точку в моих размышлениях о возрасте мужчины. Брови были седыми и густыми, совершенно неухоженными, торчащими во все стороны. Брови запускают только (или, в основном) одинокие старики, для которых эта деталь внешности перестает иметь значение.

Значит, старик? Похоже на то, но очень бодрый и крепкий. И все же – старик.

Бешенный день после утреннего кофе с размышлениями стер в памяти эту фигуру и думки о ней. Я более не вспоминал об этом человеке, пока ни увидел его в утренней пробежке по тротуару вдоль проезжей части нашей улицы. В кедах без носков, спортивных шортах, на руках трикотажные перчатки. Крепкий обнаженный торс блестит от пота. Да, это он, точно он! Красавец! Ему вслед поворачивают голову даже молодые девчонки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.